

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2826-2834. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2826
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The US Congress and Russian-American Relations on the Eve and During the First World War

Yuriy I. Nadtochey ^{a, *}, Dmitrii N. Khristenko ^b

^a Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

^b Yaroslavl State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article examines the features of the US Congress policy towards Russia on the eve and in the early years of the First World War. Based on the archival materials of the Congress the authors explain the reasons why negative dynamics in bilateral US-Russia relations in 1911-1913 prevailed and the ways partners were slowly seeking to overcome it just on the eve and at the beginning of the war. It is noted that the key role in whipping up anti-Russian sentiments in American public opinion and their broadcasting into the political, environment, including Congress, was played by Russian origin immigrant groups. The later consisted of people who left the Russian Empire because of prosecution and other political reasons, so they were trying to revenge Czarist regime with support of that part of the American entrepreneurial class that viewed Russia as a direct competitor to the United States on the world markets. However, the problem of protecting the rights of minorities as a matter of bilateral ties between Washington and St. Petersburg had to not only economic, but also ideological reasons. The American political environment developed under the influence of strong isolationist sentiments, part of which was hostility to the European empires, namely, as all these powers, including Russia and their alliances appeared to be guilty in unleashing the war. Antimonarchist sentiments were reflected in the nature of US foreign policy, especially in those aspects that directly affected the competence of the Congress (military supplies, immigration laws). As strong supporters of republicanism, liberty and democracy, American lawmakers, failed to grasp the importance of supporting the Russian Czarist government, especially in the most difficult early years of the war. The anti-Russian sentiment of the Congress was overcome only by the February revolution of 1917. However, strengthening relations with democratic but weak provisional government of Russian Republic could no longer create a solid foundation for relations between the two countries, leading them to a state of affairs later named by historians as the "First Cold War".

Keywords: Russian Empire, US Congress, Trade Treaty of 1832, human rights, Jewish immigrants, World War I, Germany, Antante, W. Wilson, J. Shiff.

1. Введение

Значение и роль Конгресса США в политическом процессе американского государства во внешней политике трудно переоценить.

Верховная законодательная власть, несмотря на предусмотренные конституцией полномочия власти исполнительной (администрации президента, федеральных ведомств, силовых структур) выполняет целый ряд важнейших функций по обеспечению принятия внешнеполитических решений и осуществляет тщательный парламентский контроль за их выполнением (Lindsay, 1994; Smith et al., 2005). История изобилует примерами, когда американские сенаторы и конгрессмены, зачастую руководствуясь предвыборными интересами, под давлением общественного мнения и лоббистских

* Corresponding author

E-mail addresses: ynadtochey@yandex.ru (Yu.I. Nadtochey), khristenko1983@mail.ru (D.N. Khristenko)

структур, существенно меняли климат отношений США с иностранными государствами, как в положительную, так и отрицательную стороны (Crabb, Holt, 1992).

Исключение не составляют и российско-американские отношения, над которыми «тень» Конгресса нависала едва ли не с момента установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Петербургом в 1807 г. При этом с нарастанием масштабов двусторонних контактов, их значимости для обеих стран, особенно в период крупнейших конфликтов и противостояний XX века (Первой и Второй мировых войн, холодной войны), воздействие законодательной власти на широту и глубину отношений с Россией только усиливалось.

2. Материалы и методы

На основе историко-описательного метода и метода анализа документов, в частности стенограмм заседаний Конгресса США, в статье подтверждается высказавшаяся в американской исследовательской литературе точка зрения о несостоявшемся российско-американском альянсе в годы Первой мировой войны. Это имеет тем большее значение, что, согласно ряду американских ученых-историков (Д. Дэвис, Ю. Трани, Р. Поваски), неудача, постигшая стороны в процессе его формирования, привела к так называемой «первой холодной войне» между двумя странами, длившейся с 1917 по 1933 гг., которая только затем переросла во «вторую» – 1946–1991 гг. (Дэвис, Трани, 2002; Powaski, 1997). Однако в дореволюционный период взаимоотношения США с нашей страной носили скорее безразлично-неприятный характер. Для открытой конфронтации, сходной с той, что постепенно нарастала у России с Германией или Австро-Венгрией, оснований не было, как и не было прочной основы для возможного партнерства или тем более союзничества, наподобие того, что уже сложилось у российского двора с Великобританией и Францией в рамках Антанты.

3. Обсуждение

Анализируя роль Конгресса в российско-американских отношениях, специалисты, как правило, ссылаются на период «холодной войны», а в историографии второй половины XX века, в силу вполне объяснимых конъюнктурных соображений, «деструктивная» линия поведения американских законодателей зачастую истолковывалась, прежде всего, несовместимостью идеологий, а именно капитализма и коммунизма. Это в целом верное утверждение все же не отражает всей глубины российско-американских противоречий, заявивших о себе еще в досоветский период существования российского государства и достигших апогея еще на завершающем этапе существования Российской империи. Необходимо подчеркнуть, что истоки конфликтности в отношении двух стран в дореволюционный период не игнорировались ни в научных трудах, изданных до октябрьской революции 1917 г., ни в работах современных российских историков-американистов, довольно обстоятельно изучивших специфику отношений России и США начала XX века на основе архивных документов. Особенно здесь следует выделить работы Б.Д. Козенко, А.И. Уткина, В.И. Журавлевой, Е.Ю. Сергеева, Ю.В. Басенко, которые были изданы в 1990-х и 2000-х гг. в условиях, несравнимо меньших сравнительно с предшествующим периодом политико-идеологических ограничений. Тем не менее даже в них роль Конгресса практически не была затронута (Козенко, 1998; Уткин, 2001; Россия и США, 1999). Данное исследование призвано восполнить эту лауну.

4. Результаты

США и Российская империя имели к началу XX века достаточно непростые и противоречивые отношения. В финансово-экономическом отношении Россия ориентировалась, главным образом, на Западную Европу. В частности, в 1912 году импорт из Германии составил свыше 500 млн, из Англии – 142 млн рублей, а из США – всего 87 млн рублей (Ганелин, 1969: 9). В свою очередь США были нацелены на богатые природными ресурсами и рабочей силой латиноамериканские и азиатские регионы. В результате русские и американские предприниматели не столько сотрудничали, сколько конкурировали в Европе, Китае, Корее и других регионах Азии, активно соперничая на сырьевых рынках (зерно, нефть, ткани).

Подобная разновекторность и разнонаправленность интересов двух стран предопределялась различиями в их геополитическом положении, что в свою очередь детерминировало соответствующие приоритеты в отношении дальнейшей трансформации мирового порядка в начале XX века. Однако, если Россия в условиях этого порядка, действовала в мировой политике сообразно своему статусу крупнейшей евро-азиатской страны, державы статус-кво, «охранителя» старого миропорядка империй, понимаемого именно как миропорядок евроцентричный, то США, напротив, обладали чертами страны-ревизиониста, лишь в недавнем прошлом присоединившейся к «клубу» великих держав вследствие побед над европейскими странами (в частности Испанией) в локальных конфликтах в Западном полушарии. При этом даже такое негласное вхождение в круг сильных мира сего имело для американской республики ограниченный эффект, ввиду периферийности положения, которое она там занимала. Страна по-прежнему испытывала на себе последствия многолетних традиций изоляционизма, обладала довольно скромным по меркам крупных стран военным потенциалом и избегала участия в инспирированной европейскими

державами военно-блоковой политике, вместо этого предпочитая делать упор на торгово-экономическую экспансию за рубежом (Westerfield, 1996).

Мешали сближению двух стран и политические разногласия. Российский император Николай II недоверчиво относился к либеральным идеалам и республиканским институтам. Отечественная элита начала XX века – аристократия, двор и высшая бюрократия – также не знала Америку, не симпатизировала ей и скорее осуждала, как следует из оценок российского посла в Вашингтоне Ю.П. Бахметева (Козенко, 1998: 141). К тому же культурные различия между политическими элитами России и США только осложняли имевшиеся разногласия. Воспитанное в духе европейских аристократических традиций русское дворянство воспринимало Америку как далекую периферийную страну, а широкая американская публика, мыслящая газетными штампами и традиционно мало интересующаяся внешним миром, в свою очередь также практически не интересовалась Россией. Об этом свидетельствует, например, отсутствие в Петербурге корпунктов американских газет (за исключением Ассошиэйтед пресс), влиятельных общественных организаций, которые смогли бы объединить предпринимательские или научные круги двух стран. Даже образованные слои американского общества воспринимали Российскую империю как экзотический край, о чем свидетельствует весьма красноречивый факт – русский язык преподавался в одном только Гарвардском университете, и в многомиллионных фондах Библиотеки Конгресса США насчитывалось не более 600 книг, посвященных России (Дэвис, Трани, 2002: 31). Интерес к нашей стране за рамками узких групп исследователей, как правило, возникал лишь вследствие искусственного подогрева, вызванного деятельностью представителей иммигрантских общин, представленных многочисленными группами выходцев из России, покинувших свою историческую родину и обосновавшихся за океаном. Например, в начале XX века численность только еврейской диаспоры с русскими корнями достигла более 1,5 миллионов человек, причем большая ее часть оказалась сосредоточена в финансовом центре Америки – Нью-Йорке (свыше 600 тыс.) и других крупных индустриальных городах Северо-Востока: Бостон, Чикаго, Филадельфия (Кабузан, 1998: 48-49). Печально известный Кишиневский погром 1903, эксцессы в отношении евреев в ходе революции 1905–1907 годов, «дело Бейлиса» – все это приводило к увеличению еврейской иммиграции в Америку, причем массово покидавшие Российскую империю эмигранты уезжали с чувством негодования и обиды на царское правительство.

Отсутствие каких-либо юридических препятствий и национальных предрассудков приводило к быстрой интеграции еврейских иммигрантов в американское общество и даже выдвиганию отдельных его представителей в высшие сферы. При этом важно отметить, что неприязнь к дому Романовых, характерная для многих иммигрантов разных национальностей, некогда покинувших Россию, особенно отчетливо проявлялась у выходцев из наименее лояльных царской власти окраин Российской империи (Польша, Финляндия). Это усиливало негативную составляющую противоречивого образа России, формировавшегося в сознании американцев и способствовало возникновению устойчивых «русских» стереотипов» (Журавлева, 2001: 135). Неприязнь транслировалась в среду американского политика посредством различных общественных организаций, представляющих интересы иммигрантских диаспор и успешно лоббировавших те или иные выгодные им инициативы на Капитолийском холме. При этом наиболее яркую роль здесь играл Американский еврейский комитет (АЕК) в лице наиболее влиятельного его члена Джекоба Шиффа – банкира и заметного представителя еврейского финансового капитала, посвятившего много лет борьбе с российской монархией и оказывавшего серьезное влияние на общественную и политическую жизнь Америки. Именно он инициировал широкое обсуждение «паспортного вопроса», связанного с тем, что российские консулы, с одной стороны, ограничивали получение виз на основе религиозной идентичности для жителей США еврейского происхождения, а с другой – ущемляли права евреев, приезжавших в Россию с американскими паспортами (Cohen, 1999: 149).

Лоббистская деятельность АЕК наглядно продемонстрировала меняющуюся суть политики Вашингтона в отношении Петербурга, где впервые за всю историю двусторонних связей власти США прибегли к политике санкций, обусловленных имевшими место ограничениями прав конкретной этнорелигиозной группы. Комитет выступил с призывом к американским властям, чтобы те, угрожая России отменой торгового договора с США от 1832 года, вынудили тем самым российские власти пойти на отмену черты оседлости и антисемитских ограничений, а когда подобная политика не возымела должного эффекта, добился денонсации этого договора. Одновременно делался расчет на то, что евреи Франции, Великобритании и Германии проявят солидарность с заокеанскими единоверцами и заставят свои правительства оказать давление на Петербург в «еврейском вопросе» (Дэвис, Трани, 2002: 26).

Осложнили и без того непростую ситуацию и приближавшиеся в 1912 году президентские выборы в США, которые, как неоднократно свидетельствовала история, привнесли в отношения двух стран дополнительную неопределенность. Находившийся у власти президент У. Тафт склонялся к пролонгации упомянутого торгового договора, исходя из экономических соображений. В 1911 году его администрация инициировала соответствующие переговоры с российской стороной. Но намечившееся потепление отношений между Вашингтоном и Петербургом вызвало обратную

резко негативную реакцию антирусских кругов в США. В условиях набравшей обороты внутривнутриполитической борьбы за пост президента лидеры оппозиционной на тот момент Демократической партии решили использовать на предстоящих выборах русскую, а точнее русско-еврейскую карту (Козенко, 1998: 141-142).

В феврале 1911 года банкир Дж. Шифф вместе с другими влиятельными членами еврейской диаспоры был приглашен на встречу с президентом У. Тафтом в Белый дом. По всей видимости, американский лидер надеялся достигнуть некоего взаимопонимания со своими оппонентами, но разговор лишь усилил разногласия сторон. У. Тафт заявил, что, хотя он понимает озабоченность американских евреев ситуацией в России, он является представителем всех американцев и не может строить политику, исходя из узких национальных предпочтений. Президент высказался за продление договора с Россией, сославшись также на мнение американского посла в Петербурге У. Рокхилла, который твердо выступал за пролонгацию торгового договора. В ответ Дж. Шифф обвинил главу Белого дома в моральной нечистоплотности, поскольку, по его мнению, тот явно предпочел коммерческие интересы 98 миллионов американцев ущемлению прав 2 миллионов своих сограждан, в то время как главная задача главы Белого дома состоит в том, чтобы своим авторитетом и властью защищать каждого жителя США от страданий и произвола. Банкир пригрозил президенту, что, поскольку он остался глух к доводам еврейской диаспоры, им не остается ничего другого, кроме как обратиться напрямую к американскому обществу и объявил своим единомышленникам о начале «войны» с администрацией. Американский еврейский комитет сделал ставку на оппозиционную Демократическую партию, а Шифф заявил о выделении 25 тысяч долларов на начало публичной кампании против русского правительства (Cohen, 1999: 147-148). Одновременно им буквально сразу же была начата широкая работа по установлению связей с потенциальными союзниками по политическому лагерю, такими как «Друзья русской свободы», расширению контактов с видными политиками и законодателями, и самое главное – успешно реализована задача по перевороту контекста и смещению фокуса внимания. В результате дискуссия в американской печати велась не в защиту прав русских граждан, а из чувства негодования по поводу ущемления юридических и моральных прав обладателей американских паспортов. Действия Российской империи подавались как оскорбление граждан США и престижа заокеанской республики (Cohen, 1999: 149).

Дж. Шифф также провел публичные встречи с нью-йоркскими сенаторами Э. Руттом и Дж. О'Горманом, во время которых произвел медиа-сенсацию, заявив, что американский посол в России У. Рокхилл открыто выступает за приоритет экономической выгоды над «паспортным вопросом» и что близкий друг президента бизнесмен Дж. Хаммонд имеет личные бизнес-интересы в России. И хотя впоследствии Хаммонд обвинил Шиффа в «трусливой лжи», общее впечатление состояло в том, что администрация США предпочитает финансовую прибыль защите прав американских граждан (Cohen, 1999: 149).

В декабре 1911 г. в Конгрессе началось обсуждение проекта резолюции о разрыве торгового договора с Россией. Дж. Шиффа вызывали дать показания перед Комитетом по иностранным делам палаты представителей, где он произнес эмоциональную речь в защиту прав американских евреев, стремящихся посетить Россию, но встречающих непреодолимые препятствия на этом пути (Cohen, 1999: 150). Эта речь и последовавшая за ней широкая кампания в прессе, направленная на поддержку еврейской диаспоры и Демократической партии, позволила Конгрессу в конце декабря практически единогласно проголосовать за резолюцию об отмене торгового договора с Россией. Примечательно, что в антирусской кампании принял участие и кандидат в президенты от Демократической партии В. Вильсон, победивший на выборах 1912 года. На одном из собраний Американского еврейского комитета в Карнеги-холл В. Вильсон заверил присутствовавших, что «американцы не желают прибыли от торговли с Россией, если некоторые из них вынуждены терпеть за это унижение» (Дэвис, Трани, 2002: 28).

Причины разрыва российско-американского торгового договора были очевидны как для русских дипломатических кругов, так и для заинтересованных современников. Как отмечал находившийся в 1913 году в США журналист Н.А. Бородин, ему «лично пришлось от влиятельных русских евреев слышать категорическое заверение, что пока Россия не уступит правительству Соединенных Штатов в вопросе беспрепятственного допуска бывших русских, ставших американскими гражданами, в Россию, ни о каком развитии товарообмена между двумя странами не может быть и речи, так как американцы вооружены против русских» (Бородин, 1915: 311).

Таким образом, многие важнейшие вопросы торгово-экономического и политического характера в начале XX века преломлялись через гуманитарную, правозащитную призму, где идеологический компонент порой перевешивал прагматическую составляющую российско-американских отношений, объективно нуждавшихся в улучшении. При этом Конгресс США в сложившейся ситуации играл скорее деструктивную роль, подталкивая уходящую администрацию У. Тафта к антироссийским жестам.

С приходом к власти президента В. Вильсона в 1912 г. появились надежды на улучшение отношений, о чем он лично дал понять, намекнув, что с назначением нового посла в Петербурге возобновятся переговоры о торговом договоре. Экономические связи двух стран стали демонстрировать постепенное восстановление. Для их укрепления были учреждены две новые организации: Русско-

американская торговая палата, основанная в Москве в 1913 г., и Русский отдел при Национальной ассоциации промышленников (НАП) Соединенных Штатов, открытый в январе 1914 г. в Нью-Йорке.

Выступления официальных лиц США на торжественной церемонии открытия достаточно хорошо отражали будущее предназначение нового отдела. Неоднократно звучали мнения, что русско-американский товарообмен находится в ненормальном состоянии, связанном с тем, что он преимущественно проходит через руки германских посредников, на долю которых достается значительная часть прибылей. Звучали призывы о необходимости устранения иностранного посредничества из двусторонней торговли, деполитизации сферы торговли, изучения рынков спроса и предложения и налаживания прочных двусторонних контактов. Основание русского отдела Национальной ассоциации промышленников США должно было стать необходимым средством для ознакомления деловых кругов обеих стран друг с другом (Бородин, 1915: 308).

Неудивительно, что, когда летом 1914 года русское правительство заявило об отказе от продления русско-германского торгового договора, в деловых кругах США стала активно обсуждаться возможность закрепления на российском рынке. В июне 1914 г. в Бостонской торговой палате бывший американский посол в России К. Гульд выступил с речью, в которой призвал сделать Россию таким же по своему значению рынком для промышленных товаров США, каким являлась для них Латинская Америка. Тогда же Русский отдел при Национальной ассоциации промышленников сообщил в Министерство торговли и промышленности в Петербурге о поездке в Россию двух директоров и бывших предпринимателей НАП Дж. Керби и Д.М. Пари во Владивосток (Ганелин, 1969:10).

В то же время на пути налаживания российско-американских отношений оставалось немало препятствий, одним из которых был вопрос о выборе кандидатуры американского посла в России. Процесс назначения на эту должность затянулся, и посол был официально назначен лишь 1 июля 1914 года, а прибыл в Россию спустя еще три месяца. Им стал малоизвестный для широкой публики бизнесмен, финансовый спонсор выборной кампании демократов Дж. Мэри. В таком более чем противоречивом состоянии находились американо-русские отношения, когда началась Первая мировая война.

Начало боевых действий в Европе, в том числе на Восточном фронте, где русские армии вели сражения с немецкими и австро-венгерскими войсками, не были восприняты американской общественностью с воодушевлением. Отношение и правящих кругов, и широкой публики к войне и к участвующим в ней сторонам (безотносительно их принадлежности к тому или другому военному союзу) было если не осуждающим, то, по крайней мере, несколько отстраненным. Подобные настроения царили и в стенах Конгресса. Контролируемые демократами обе его палаты были преисполнены антивоенных настроений, в целом разделяя демократический мессианизм своего однопартийца – президента В. Вильсона, плохо скрывавшего неприязнь к империализму европейских монархий, повинных в развязывании кровопролития. Конгрессмены же в свою очередь также не спешили расставлять в этой войне все точки над *i* и не считали, что она должна кардинально изменить приоритеты американской внешней политики по отношению к воюющим странам с целью назначения «правых» и «виноватых» в этом конфликте. На этом фоне неудивительным выглядит тот факт, что с самого начала войны Германия вместе с Австро-Венгрией обратилась к США и получили согласие от Вашингтона, чтобы американские дипломатические служащие в России вместе с членами миссии Красного Креста и Ассоциации молодых христиан контролировали условия содержания своих военнопленных в российских лагерях. Американские дипломаты должны были не только проверять «соблюдение справедливых норм обращения с немцами и австрийцами», но и оказывать поддержку уроженцам этих государств, проживающим в зонах боевых действий на территории России. Дело дошло даже до того, что австрийский посол в Вашингтоне К. Думбо обратился к президенту Вильсону с просьбой направить личное послание Николаю II по поводу условий содержания захваченных в плен солдат Центральных держав, а конгрессмен из Буффало, член комитета по международным делам Ч. Смит вызывался отправиться в Петроград с целью оказания помощи немецким и австрийским военнопленным (Дэвис, Трани, 2002: 55-56).

Несмотря на подобные гуманитарные инициативы отдельных конгрессменов, сам верховный законодательный орган был преисполнен изоляционистскими настроениями, причем они были свойственны парламентариям, представлявшим самые разные сегменты политического спектра (от правых республиканцев до левых демократов). Причины таких настроений были разными: если для правых республиканцев был характерен христианский фундаментализм, а для демократов либерализм – обе идеологии базировались на неприятии любых войн, ведущихся монархиями, то малочисленные левые конгрессмены, представлявшие социалистическую партию Америки (СПА), такие как В. Бергер и М. Лондон, осуждали войну, уже исходя из классовых соображений, призывая американскую общественность бойкотировать любые потенциальные приготовления США к участию в ней, включая призыв в армию (Jeffreys-Jones, 2013: 47-49).

Электоральная база изоляционистов также была представлена избирателями, испытывавшими мало симпатий к Российской империи. СПА, в частности, опиралась на упоминавшихся выходцев из российских национальных окраин (Финляндии), а также представителей еврейской интеллигенции (Marks, Burbank, 1990: 176; Sorin, 1989; 37-54), а правые демократы и республиканцы, представлявшие

интересы штатов Запада и Юга, опирались на поддержку проживавших там фермеров – выходцев из Германии, симпатизировавших своей исторической родине (Beckett, 2014: 122). Это хорошо подтверждается текстами стенограмм заседаний, речами отдельных «германофильски» настроенных конгрессменов, в частности, Д. Шеклефорда от Миссури, призывавшего к строгому соблюдению объявленного Америкой нейтралитета, с целью не дать ориентировавшимся на Лондон «бостонским аристократам и финансовым тузам Нью-Йорка и Новой Англии» втянуть США в войну против Германии, вопреки американским национальным интересам (Congressional Record, 1916: 789-791). При этом Д. Шеклефорд приводил весьма строгий логический анализ положения дел на европейском континенте, отмечая, что Германия совершенно не угрожает Америке ввиду слабости ее военно-морского флота (в отличие от Великобритании). Конгрессмен полагал, что после окончания войны обескровленная Германия будет гораздо больше заинтересована в дружеских и крепких экономических связях с нейтральными США, чем со своими прежними врагами – Англией и Россией, и в силу этого она совершенно не заинтересована в том, чтобы испортить взаимоотношения с Вашингтоном (Congressional Record, 1916: 789-791).

Подобные выступления, отражавшие даже не столько антироссийский, сколько в целом антиевропейский настрой отдельных американских законодателей, свидетельствовали не только об отсутствии каких-либо симпатий по отношению к Антанте, но и ставили Америку как бы «над схваткой» европейских держав, отказывая им в существенной не только военной, но и материально-технической помощи. Сенатор Г. Лодж, представлявший демократов, в этой связи указывал на недостаточную обороноспособность армии США, призывая исполнительную власть сделать приоритетом оснащение военной техникой и вооружением именно национальных вооруженных сил, а не военный экспорт в воюющие страны (Congressional Record, 1915: 4390). Эта точка зрения была поддержана и конгрессменом Д. Шеклефордом, предложившим ввести эмбарго на поставки вооружения и военной амуниции для всех без исключения держав, включая страны Антанты. Важно заметить, что Россия, на долю которой выпали наибольшие тяготы войны и которая испытывала в ее первые годы так называемый «снарядный голод», здесь также не была исключением. Однако проблемы на восточном фронте мало заботили конгрессменов, которые, пытаясь заглядывать далеко вперед – в послевоенные годы, уже видели Россию в качестве конкурента на мировых рынках сырья и сельхозпродукции (особенно зерна), опасаясь восстановления подорванного боевыми действиями российского экспорта. Так, сенатор П. Маккьюмбер (республиканец от Северной Дакоты), разделявший изоляционистские убеждения, в своей речи от 24 февраля 1915 года отметил, что война предоставила аграриям США уникальные возможности для расширения экспорта пшеницы в Европу, которая испытывает повышенный спрос на зерно в условиях отсутствия российских поставок. Однако, преимущества, которые получили американские аграрии, предупреждал сенатор, исчезнут с прекращением боевых действий и восстановлением экономики европейских держав, которое начнется с сельского хозяйства. В силу этого он предлагал закрепить преференции для аграриев США путем отказа от режима свободной торговли, введенного под влиянием Демократической партии в октябре 1913 года, вернувшись к ранее действовавшему протекционистскому тарифу (Congressional Record, 1915: 4496-4497). Подобные предложения как нельзя лучше отражали понимание политическими и предпринимательскими кругами Америки возможностей, которые им предоставила война в Европе. Особенно отчетливо это было заметно в случае России, которая после разрыва отношения с Германией основные закупки промышленных товаров стала осуществлять в США. Если в 1914 году импорт из США не превышал 80,2 млн рублей, то в дальнейшем он стал быстро увеличиваться: в 1915-м – 258,7, в 1916-м – 422,4, в 1917 году – 486,3 млн рублей (Манухин, 2018: 35).

Изоляционизм американских конгрессменов и сенаторов, вызывавший серьезную озабоченность в Лондоне, Париже и Петрограде, тем не менее не смог переломить растущую уверенность администрации В. Вильсона в необходимости сохранения курса на сотрудничество с антигерманской коалицией, а государственный департамент США твердо заверял русское посольство, что предложения изоляционистов не пройдут (Манухин, 2018: 35). Критическим моментом стало голосование в Сенате США в феврале 1915 г. Странники изоляционизма выдвинули предложение принять поправку, запрещающую под угрозой штрафа в 100 тысяч долларов и трехлетнего тюремного заключения поставки вооружения, амуниции, артиллерии и взрывчатых веществ любым государствам, с которыми Соединенные Штаты находятся в состоянии мира. По сути это было тотальное военное эмбарго для всех воюющих европейских держав. Однако, как и предсказывало внешнеполитическое ведомство США, противники изоляционистов выступили резко против и предложили отложить рассмотрение данной поправки на неопределенный срок. Вопрос был поставлен на голосование, в котором изоляционисты проиграли. За то, чтобы отложить рассмотрение поправки, выступил 51 сенатор, 36 законодателей высказалось против (Congressional Record, 1915: 4016). Однако большое число сторонников военного эмбарго сигнализировало о сохраняющей прочность линии изоляционистов, которую В. Вильсону еще предстояло переломить.

В следующем, 1916 году, «русский вопрос» в Конгрессе оказался на повестке дня в довольно идеологизированной форме. В очередной раз зазвучала тема защиты прав русскоязычных иммигрантов, которая получила дополнительный импульс в связи с безуспешными попытками некоторых

конгрессменов внести поправки в иммиграционное законодательство, исключив из списка потенциальных иммигрантов лиц, проживающих в отдельных частях Российской империи (евреев, татар и других неславянских меньшинств). Однако наиболее либеральные сенаторы, в частности Д. Рид, раскритиковали такие предложения за их антидемократизм, обуславливая их право на переселение в США не в последнюю очередь «тиранией» царского правительства (*Congressional Record*, 1916: 157-159).

5. Заключение

В предвоенные годы и в ходе Первой мировой войны парламентская дипломатия США начинала играть в общем раскладе российско-американских отношений все более заметную, хотя и отнюдь не позитивную роль. Для этого имелись весомые причины. Во-первых, в американском политикуме накануне и в начальный период войны все еще были сильны изоляционистские настроения, имевшие в том числе антироссийский оттенок. Во-вторых, негативные настроения на Капитолийском холме подпитывались частью электоральной базы правящей Демократической партии, состоявшей в том числе из многочисленных групп иммигрантов из Российской империи. Опираясь на грамотно выстроенные лоббистские структуры и громкие публичные кампании, они склонили значительное число сенаторов и конгрессменов на свою сторону и в значительной мере определили недружественный настрой американских законодателей по отношению к царской России и правящей династии Романовых. В-третьих, имели место явные провалы исполнительной власти США, продемонстрированные ею на русском направлении в 1914–1916 гг. Неудачные кадровые назначения на должности послов лиц, далеких от профессиональной дипломатической деятельности (Дж. Мэри, Д. Френсис), привели к размыванию политической линии Вашингтона в отношении Петрограда, включению в процессы принятия решений по условному «русскому вопросу» неофициальных лиц, наподобие полковника Э. Хауза – неформального советника президента В. Вильсона. Это позволило Конгрессу, а вернее его отдельным членам, более активно поучаствовать в политико-дипломатических инициативах Белого дома, адресованных России, как это произошло в рамках миссии сенатора И. Рута, направленной в Петроград уже после падения российской монархии. Однако, как и в случае с президентской администрацией, пребывавшей в плену иллюзий о прочности «молодой русской демократии», миссия Рута также не смогла осознать всей серьезности революционной опасности, надвигающейся на Россию, а польза от ее организации для двусторонних отношений оказалась ничтожной.

Президент и его сторонники в Конгрессе – вильсонянцы – в каком-то смысле стали заложниками собственной веры в спасительную роль демократии, видевшейся им едва ли не универсальным средством «перевоспитания» целых стран и народов, которым только предстояло приобщиться к ценностям свободы и либерализма в процессе перехода от монархических режимов к республиканским институтам.

В целом позитивно восприняв захлестнувший европейские империи (Россию, Германию, Австро-Венгрию) «каскад» революций, в том числе февральскую революцию 1917 г., вильсонянцы не осознали их далеко идущие последствия не только для Старого света, но и их общемировое значение. Демократия ошибочно воспринималась ими как базовое условие для развития всего комплекса российско-американских отношений. Напротив, реальная политика, объективно отвечавшая национальным интересам двух стран и способная стать фактором их сближения в условиях военного времени и после войны, была проигнорирована в угоду нереалистичным притязаниям Вашингтона на торжество свободы в России – глубоко пораженной социально-политическими проблемами огромной воюющей стране.

В итоге такая недалновидная и откровенно плохо маскируемая антимонархическая политика американского истеблишмента не только не привела к обретению американцами нового друга и партнера в лице демократической России, но еще больше отдалила ее от Америки после революционных потрясений октября 1917 г. Пришедшее к власти новое правительство большевиков перечеркнуло многолетние усилия по налаживанию российско-американских связей, низведя их до состояния конфронтации, немислимой даже в самые сложные периоды отношений Вашингтона и Петербурга.

Литература

- Бородин, 2010** – *Бородин Н.А.* Североамериканские Соединенные Штаты и Россия. Петроград, 1915. 324 с.
- Ганелин, 1969** – *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Ленинград: Наука, 1969. 418 с.
- Дэвис, Трани, 2002** – *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.
- Журавлева, 2001** – *Журавлева В.И.* Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX–XX вв.: образ «Чужого» в сознании американцев // *Новый исторический вестник*. 2001. № 2. С. 124-139.
- Кабузан, 1998** – *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. 272 с.
- Козенко, 1998** – *Козенко Б.Д.* Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914–1917 годах // *Первая мировая война. Пролог XX века*. Москва: Наука, 1998. С. 140-157.
- Манухин, 2018** – *Манухин А.А.* Военные поставки из США в Россию в Первую мировую войну // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 10. С. 34-41.

- [Россия и США, 1999](#) – Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. 856 с.
- [Уткин, 2001](#) – *Уткин А.И. Первая Мировая война*. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
- [Agricultural appropriations, 1915](#) – Agricultural appropriations // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 24, 1915. P. 4492-4497.
- [Beckett, 2014](#) – *Beckett I. The Great War: 1914-1918*. Routledge, 2014. 856 p.
- [Cohen, 1999](#) – *Cohen W.N. Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership*. Brandeis University Press, 1999. 336 p.
- [Crabb, Holt, 1992](#) – *Crabb C.V., Holt P.M. Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy*. Wash., 1992. 322 p.
- [Embargo on arms and ammunitions, 1916](#) – Embargo on arms and ammunitions // Congressional Record. January 10, 1916. Pp. 789-791.
- [Jeffreys-Jones, 2013](#) – *Jeffreys-Jones R. American Left: Its Impact on Politics and Society since 1900*. Edinburgh University Press, 2013.
- [Lindsay, 1994](#) – *Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore; London, 1994. 228 p.
- [Marks, Burbank, 1990](#) – *Marks G., Burbank M. Immigrant Support for the American Socialist Party*, Social Science History. 1990. Vol. 14, No. 2, Pp. 175-202.
- [Powaski, 1997](#) – *Powaski R. The Cold War: The United States and the Soviet Union, 1917-1991*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 368 p.
- [Regulation of Immigration, 1916](#) – Regulation of Immigration // Congressional Record. Volume LIV. Part I. December 11, 1916. P. 156-162.
- [Scientific Management](#) – Scientific Management // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 23, 1915. P. 4386-4392.
- [Smith et al., 2005](#) – *Smith S.S., Roberts J. M., Vander Wielen R. The American Congress*. Cambridge, 2005. 445 p.
- [Sorin, 1989](#) – *Sorin G. Tradition and Change: American Jewish Socialists as Agents of Acculturation // American Jewish History*. 1989. Vol. 79, No. 1. Pp. 37-54.
- [The Merchant Marine, 1915](#) – The Merchant Marine // Congressional Record. Volume LII. Part IV. February 18, 1915. P. 4001-4020.
- [Westerfield, 1996](#) – *Westerfield D.L. War Powers: The President, the Congress and the Question of War*. Westport; London, 1996. 252 p.

References

- [Agricultural appropriations, 1915](#) – Agricultural appropriations // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 24, 1915. Pp. 4492-4497.
- [Beckett, 2014](#) – *Beckett, I. (2014). The Great War: 1914-1918*. L., Routledge. 856 p.
- [Borodin, 1915](#) – *Borodin, N.A. (1915) Severoamerikanskije Soedinennye Shtaty i Rossiya [North American United States and Russia]*. Petrograd. 324 p. [in Russian]
- [Crabb, Holt, 1992](#) – *Crabb, C.V., Holt, P.M. (1992). Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy*. Wash. 322 p.
- [Cohen, 1999](#) – *Cohen, W.N. (1999). Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership*. Brandeis University Press. 336 p.
- [Davis, Trani, 2002](#) – *Davis, D.E. Trani, E.P. (2002). The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. Soviet Relations* University of Missouri. 360 p.
- [Embargo on arms and ammunitions, 1916](#) – Embargo on arms and ammunitions // Congressional Record. January 10, 1916. Pp. 789-791.
- [Ganelin, 1969](#) – *Ganelin, R.Sh. (1969). Rossiya i SShA. 1914-1917. Oчерки istorii russko-amerikanskikh otnoshenii. [Russia and the United States. The Essays of Russia-US Relations]*. Leningrad: Nauka. 418 p. [in Russian]
- [Jeffreys-Jones, 2013](#) – *Jeffreys-Jones, R. (2013). American Left: Its Impact on Politics and Society since 1900*. Edinburgh. 264 p.
- [Kabuzan 1998](#) – *Kabuzan, V.M. (1998). Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Emigration and Re-emigration in Russia in the 18th – early 20th Centuries]*. Moscow: Nauka. Pp. 48-50. [in Russian]
- [Kozenko 1998](#) – *Kozenko, B.D. (1998). Nesostoyavsheesya sblizhenie: SShA i Rossiya v 1914-1917 godakh. Pervaya mirovaya voina. Prolog XX veka [Failed Rapprochement: the United States and Russia in 1914-1917. World War I. 20th century prologue]*. Moscow: Nauka, pp. 140-157. [in Russian]
- [Lindsay, 1994](#) – *Lindsay, J.M. (1994). Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore; London, 1994. 228 p.
- [Manukhin, 2018](#) – *Manukhin, A.A. (2018). Voennye postavki iz SShA v Rossiyu v Pervuyu mirovuyu voinu. [US Military Supplies from US to Russia during First World War]*. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10: 34-41. [in Russian]

- Marks, Burbank, 1990 – Marks, G., Burbank, M. (1990). Immigrant Support for the American Socialist Party. *Social Science History*. 14(2): 175-202.
- Powaski, 1997 – Powaski, R. (1997). The Cold War: The United States and the Soviet Union, 1917-1991. Oxford: Oxford University Press, 368 p.
- Rossiia i SShA, 1999 – Rossiia i SShA: diplomaticheskie otnosheniya. [Russia and the US: Diplomatic Relations]. 1900-1917 / Ed by A. N. Yakovlev; Compiled by Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. Moscow, MFD, 856 p. [in Russian]
- Regulation of Immigration, 1916 – Regulation of Immigration // Congressional Record. Volume LIV. Part I. December 11, 1916. Pp. 156-162.
- Sorin, 1989 – Sorin, G. (1989). Tradition and Change: American Jewish Socialists as Agents of Acculturation. *American Jewish History*. 79(1): 37-54.
- Scientific Management, 1915 – Scientific Management // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 23, 1915. Pp. 4386-4392.
- Smith et al., 2005 – Smith, S.S., Roberts, J. M., Vander Wielen, R. (2005). The American Congress. Cambridge, 445 p.
- The Merchant Marine, 1915 – The Merchant Marine // Congressional Record. Volume LII. Part IV. February 18, 1915. Pp. 4001-4020.
- Utkin, 2001 – Utkin, A.I. (2001). Pervaya Mirovaya voina [The First World War]. M.: Algoritm, 592 p. [in Russian]
- Westerfield, 1996 – Westerfield, D.L. (1996). War Powers: The President, the Congress and the Question of War. Westport; London. 252 p.
- Zhuravleva, 2001 – Zhuravleva, V.I. (2001). Evreiskaya emigratsiya iz Rossii v SShA na rubezhe XIX – XX vv.: obraz «Chuzhogo» v soznanii amerikantsev. [Jewish emigration from Russia to the USA at the turn of the 19th and 20th centuries: the image of the "Alien" in the minds of Americans]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2: 124-139. [in Russian]

Конгресс США и российско-американские отношения в преддверии и в ходе Первой мировой войны

Юрий Иванович Надточей ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Христенко ^b

^a Московский государственный институт международных отношений, Российская Федерация

^b Ярославский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются особенности политики Конгресса США в отношении России в преддверии и в первые годы Первой мировой войны. На основе архивных материалов Конгресса рассмотрены причины негативной динамики российско-американских отношений в 1911–1913 гг. и последующее их медленное восстановление накануне и в начале войны. Отмечается, что ключевую роль в нагнетании антироссийских настроений в американском общественном мнении и их трансляции в политическую, в том числе парламентскую среду, сыграли иммигрантские круги. Они состояли из лиц, покинувших Российскую империю и нашедших поддержку той части американского предпринимательского класса, который рассматривал Россию как прямого конкурента США на товарных и сырьевых рынках. Тем не менее проблема защиты прав меньшинств в отношениях Вашингтона и Петербурга выразилась в поддержке американскими конгрессменами русских иммигрантов по идейным причинам. Американская политическая среда развивалась под воздействием сильных изоляционистских настроений, составной частью которых была неприязнь к европейским империям, развязавшим беспрецедентную по своим масштабам мировую войну. Антимонархические настроения непосредственно отражались на характере внешней политики США, особенно в тех аспектах, которые напрямую затрагивали компетенции Конгресса (военные поставки, миграционное законодательство). Американские законодатели, рьяно отстаивавшие идеи свободы и демократии, не смогли осознать важность поддержки правительства России в самые тяжелые первые годы войны. Преодолеть антироссийский настрой Конгрессу удалось только к февральской революции 1917 г., когда налаживание отношений с демократическим, но слабым Временным правительством России уже не могло создать прочный фундамент отношений между двумя странами, приведя их к состоянию, позже определенного историками как «первая холодная война».

Ключевые слова: Российская империя, Конгресс США, Торговый договор 1832, права человека, еврейские иммигранты, Первая мировая война, Антанта, В. Вильсон, Дж. Шифф.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ynadtochey@yandex.ru (Ю.И. Надточей), khristenko1983@mail.ru (Д.Н. Христенко)